

Виктор ИВИНГ:

«Я никогда не был поклонником Вертинского»

ОТ РЕДАКЦИИ

“С” предлагает читателю текст, который вероятно можно было бы назвать так же, как роман Юрия Олеши — “Зависть”. Имя автора этих записок забыто и известно лишь узкому кругу специалистов. Имя героя дневника — Александра Николаевича Вертинского и его слава уже давно существуют “вне сплетен и клевет”. Только что вышла в свет огромная, роскошная книга-альбом “Дорогой длиною...”, изданная к 115-летию великого артиста. Его поэзия по-прежнему востребована. Кто только ни пробует петь его песни и романсы? Список большой. От Бориса Гребенщикова до Олега Погудина. О судьбе Вертинского поставлено множество спектаклей. Из удач — программа Анастасии Вертинской, “Jamais” Воронежского Камерного театра в постановке Михаила Бычкова, “Исповедь барона” Игоря Ларина. Творчество Александра Вертинского, — писал Константин Рудницкий, — “вот богатство, которое сохранилось и перейдет к следующим поколениям”. Как хотелось бы реже повторять его пророческое “То, что я должен сказать”:

Я не знаю, зачем и кому это нужно,
Кто послал их на смерть недождавшей рукой,
Только так беспощадно, так зло и ненужно
Опустили их в Вечный Покой!

Именно эта знаменитая песня о юнкерах вызывает у автора записок особый сарказм (она, по его мнению, написана исключительно ради эпатажа). И все же, дневники Виктора Ивинга чрезвычайно интересны, они воскрешают не только глубоко пристрастный портрет только что вернувшегося из эмиграции Вертинского, но и сам воздух эпохи (конец войны, первые послевоенные годы), и психологию человека того времени.

Возвращение Вертинского было (не могло не быть) драматичным, ему разрешено выступать на эстраде, но полупегально. В письме заместителю министра культуры С.В.Кафтанову артист задает вопросы:

1. Почему я не пою по радио? Разве Ив Монтан, языка которого никто не понимает, ближе и нужнее, чем я?

2. Почему нет моих пластинок? Разве песни, скажем, Бернеса, Утесова выше моих по содержанию и качеству?

3. Почему нет моих нот, моих стихов?

4. Почему за 13 лет нет ни одной рецензии на мои концерты? Сигнала нет? Я получаю тысячи писем, где меня спрашивают обо всем этом. Я молчу...

До сих пор за границей моих пластинок выпускают около миллиона в год, а здесь из-под полы все еще продают меня на базарах “по благу”...

Как стыдно ходить и просить, и напоминать о себе.

Это письмо написано за год до смерти.

Но вернемся к времени, описываемому автором дневника. Один из главных мотивов — старость Вертинского. “Он удивительно одряхлел”. Невольно вспоминаются слова

От публикатора

разделила богему и всю интеллигенцию на тех, кто остался в России, и тех, кто уехал. Как известно, Вертинский эмигрировал в 1920 году и более двадцати лет провел в скитаниях. Турция, Бессарабия, Польша, Германия, Франция, Палестина, Америка, Китай. В 1943 году ему разрешили вернуться в Россию. Здесь он давал концерты при полных аншлагах и при полном молчании прессы.

С 1918 по 1920 годы Ивинг служил в Политуправлении реввоенсовета и ездил с передвижной труппой по фронту. В сезон 1920/1921 годов работал в “Теревсате” и одновременно снимался в кино. В 1923 году он возвращается к работе в газете. Выступает как балетный критик в “Бедноте”, “Правде”, “Известиях”, “Советском искусстве” и других. В “Театропечати” издается серия его брошюр о балетах Большого театра (1929–1930). В 1932–1935 годах работает литературным редактором “Известий”, а в 1935–1941 годах — “Советского искусства”. В 1940-е годы занимается преподавательской деятельностью в Московском хореографическом училище (1943–1947) и ГИТИСе (1946–1952). Выступает с лекциями по проблемам танца, работает над теоретическими трудами.

Умер Ивинг 8 сентября 1952 года.

В дневниковых записях Ивинга чувствуется осуждение бурной молодости Вертинского и четкое противопоставление себя ему. Хотя “грешили” тогда вместе. Такое несправедливое отношение объясняется разностью жизненных путей. Ивинга задевает необыкновенный артистический успех Вертинского после возвращения из эмиграции. Преклонный возраст не сказался на его профессионализме. В то время, как о славе Ивинга-танцовщика уже давно позабыли.

Также сыграло роль мировоззрение оставшегося в России и прошедшего все тяготы разрухи, Великой Отечественной войны: жившие здесь неприязненно относились к уехавшим. Уехать — для многих значило предать родину. И никакие обстоятельства не могли быть оправданием отъезда. Хотя известно, что эмиграция была тяжелым испытанием для всех покинувших родную землю.

Но надо отдать должное автору: он не только признает талант Вертинского-артиста, детально описывает его выступления: репертуар, исполнение, жестикуляцию. Последнее особенно важно, так как кинофильмы концертов не сохранились, о выразительности рук в воспоминаниях современников встречаем каскад восхищений и мало деталей.

Все это без сомнения расширяет наши знания об А.Н.Вертинском.

Отрывки из дневника печатаются по материалам РГАЛИ. Однозначные сокращения расшифрованы без оговорок.

Ольга ШЛЯХОВАЯ
• В.П.Ивинг. 1910-е годы

Горького о Шаляпине после встречи в Риме в 1929 году: “О нем уже можно писать воспоминания. Он скоро умрет... Он очень одряхлел... Кожа его лица стала дряблой, точно уже боролся со смертью, и, не победив, она живого изъела его”. Шаляпину — 56. Впереди триумфальные спектакли, гастроли, съемки “Дон Кихота”. Вертинскому, когда он вернулся, исполнилось 54 года, он будет много ездить с концертами по стране, сыграет несколько ролей в кино, из них лучшая — в “Анне на шее”. Отношения Горького и Шаляпина сложные и запутанные. Скорее всего запись появилась от досады на друга, отказавшегося возвращаться на родину. (Алексей Максимович обещал Сталину вернуть Федора Ивановича в Союз). У Ивинга не было явного социального заказа, но по существу он также создавал миф, дезавуирующий артиста.

Называя Вертинского “обломком империи”, обвиняя его песенки в мелкотемье, он безуспешно борется с магией артиста и оказывается ею покорен. Он пытается разобраться в своих чувствах и понять: “кому это нужно” и в конце концов объясняет триумфы Вертинского “потребностью людей в лирике”. Об этом же много лет спустя напишет Константин Рудницкий: “Страна залечивала зияющие раны, заново отстраивала города, люди жили тяжело и серо... Из боли утрат, из тягот послевоенного быта рождалась острейшая потребность в лирике, в романтической красоте...”

Зависть мучает Ивинга, не случайно в тексте много противоречий. Вот он гневно обвиняет Вертинского в “любовании великосветской жизнью, свойственным лакеям, в пресмыкательстве перед роскошью буржуазного существования” и сам же пишет: “Говорят, у него есть примета приезжать на концерт и уезжать с него без шляпы. Очевидно, есть авто, иначе не очень-то погуляешь по московским улицам”. В некоторых строчках сквозит душок антисемитизма, усилившегося в стране после войны, не нравятся Ивингу поклонники Вертинского — приторно смазливые лейтенанты (и не только лейтенанты) с характерной внешностью, позволяющей опеределить их национальность. Все это пишется еще до кампании против безродных космополитов, до “дела врачей”.

Виктор Петрович не доволен многими артистами, в том числе и самыми прославленными. Почитайте, как он критикует выступление по радио Игоря Ильинского. (“Все мимо, все фальшиво”). И ставит в пример Ильинскому... Вертинского. Он признает его “исполнительское мастерство, мастерство произнесения слова, его окраски, освещения, умения выделить слово, как бы напав на него луч прожектора, либо наоборот затуманить, погрузить в полутьму... Он чувствует перспективу фразы, понимает, что закят светотени распространяется и на искусство слова... Я не знаю другого мастера, кроме М.А.Чехова, который так чувствовал и понимал ценность слова, умел придать бы ему тот оттенок, который нужен”.

Надо признать, что и сам Ивинг, без сомнения, чувствовал слово, писал увлекательно. И в его дневниках особенно отчетливо понимаешь мысль прозорливого критика Матвея Иосифова: “Существуют привязанности, которых мы себе не прощаем. Такой любовью окружено творчество Вертинского”.